

Издатель Евгений Кольчужкин
Продюсер Андрей Устинов

Обложка и рисунок Инна Разумова
Фотография Михаил Лемхин

Составление и редакция Андрея Устинова

VADEMECUM: In Honor of Lazar Fleishman
Edited by Andrey Ustinov

Составитель и издательство благодарят К.М. Поливанова
за помощь в подготовке книги

ISBN 978-5-91763-003-8

© Авторы, 2010

© Издательство «Водолей», оформление 2010

© А. Устинов, составление, 2010

© Blixa Bargeld, lyrics for «Salamandrina», 2010

© М. Лемхин, фотография, 2010

© И. Разумова, рисунок, 2010

«...Я ПОЧТИ ЕДИНСТВЕННЫЙ РЫЦАРЬ»

Письма Л.А. Зандера к А.М. Ремизову

Ольга Раевская-Хьюз

В отличие от старых друзей и современников Льва Шестова и Николая Бердяева, знакомство с которыми восходит к рубежу столетий, с кем Ремизов переписывался, даже живя в одном городе, и чьи имена неоднократно встречаются в его автобиографической прозе, имя младшего современника, философа Льва Александровича Зандера (1893–1964), в ремизовских текстах не появляется. Три письма Зандера, хранящиеся в Центре Русской Культуры в Амхерст Колледже и публикуемые ниже, хронологически принадлежат периоду «большого исхода» в конце Гражданской войны и установления связей между литераторами и учеными, оказавшимися за границей. И автор писем, и их адресат были в это время на перепутье.

Ремизовы прибыли в Берлин из Ревеля осенью 1921 г., и два берлинских года оказались очень плодотворными для писателя. С редактором «Русской книги» А.С. Яценко¹ Ремизов связался еще будучи в Ревеле, а попав в кратковременную столицу русского зарубежья, сразу включился в берлинскую литературную жизнь. Он принимал участие в создании Дома искусств² в ноябре 1921 г. и много публиковался. В это время в Берлине и Ревеле выходят его новые книги, в том числе «В поле блакитном», «Шумы города» (Ревель), «Крашенные рыла», «Огненная Россия» (Ревель), «Ахру», «Россия в письменах» и «Кукха», а также переиздаются многие из вышедших ранее, в новой «шарлоттенбургской» редакции. К автобиографической статье, датированной 12 мая 1923 года³, приложен список этих книг, в том числе их немецкие и чешские переводы. Кроме того, Ремизов активно поддерживает переписку с писателями, издателями, переводчиками и друзьями и за границей, и в России.

Но, может быть, самый бурный расцвет в берлинский период достался Обезьяньей Палате – «Обезвелволпалу»⁴ – и связанной с ней деятельностью Ремизова. Он широко раздает титулы, издает манифест, игра и мистификация переливаются в газетную хронику⁵. Однако в 1923 году эмигрантская деятельность в Берлине, в том числе литературная и издательская, испытывает резкий спад. «Новая русская книга» кончается на шестом номере 1923 г., закрывается Дом искусств. После долгих колебаний и при активном участии и помощи их старо-

го друга Льва Шестова Ремизовы принимают решение включиться в «берлинскую волну» и 8 ноября приезжают в Париж⁶.

В начале 1920-х гг. Л.А. Зандер находился во Владивостоке и в качестве приват-доцента преподавал философию в Дальневосточном университете. Выпускник Императорского Александровского Лицея, он занимался философией в Гейдельберге, в 1914 г. с началом войны вернулся в Петроград, работал в Русском Красном Кресте, а в 1915 г. отправился на фронт. После революции Зандер снова в Петрограде, в 1918 г. уезжает в Пермь, где преподает философию и работает в бюро печати. Следующий этап – Владивосток. Осенью 1922 г. он строит планы на поездку в Германию на год, но знает, что возврата на Дальний Восток не будет. В 1923-24 Зандер живет в Праге, а в 1925 г., в связи с открытием Свято-Сергиевского Богословского института, переезжает в Париж. Первые два письма – от февраля и сентября 1922 г., – посланы из Владивостока в Берлин, а последнее – от июня 1924 г., – из Праги в Париж, где автор писем и его адресат остаются до конца своих дней.

Адрес Ремизова в Берлине и сведения о его жизни в годы Гражданской войны Зандер нашел в «Русской книге». В сдвоенном 7/8 номере журнала за 1921 г. было напечатано сообщение: «А.М. Ремизов выехал из Петербурга за границу и находится сейчас с женою в Ревеле (Poskastr. 15). Хлопочет о визе в Берлин» (с. 26). В № 9, последнем за 1921 г., в конце отдела хроники было напечатано письмо в редакцию Ремизова, адресованное Редактору «Русской Книги» Проф. А.С. Яценко, доктору международного права и кавалеру Обезьяньего Знака I степени с зашипынными шариками Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Начинается оно с благодарности Яценко «от книжников» в России за издание «Русской книги», здесь же упоминается сама Обезьянья Палата: «Ученики мои красноармейцы не раз приходили ко мне в Обезьянью Великую и Вольную Палату – древлехранилище мое, книжки смотрели и игрушки трогали». Под письмом подпись – Алексей Ремизов, Б. канцелярист, забеглый политком Обезвелволпала (с. 22).

В том же номере в отделе «Писатели» напечатан детальный (больше двух колонок текста) отчет Ремизова о себе за 1917-21 гг. в Петрограде с множеством имен и названий учреждений, пайков, собственных изданий и т.п., где, среди прочего, упоминается и Обезьянья Палата: «Обезвелволпал (Обезьянья великая и вольная палата) издала “Царя Додона” с 3 рисунками Л.С. Бакста. В том же обезьяньем издательстве вышли две сказки рукописные в 2-х экземплярах каждая <...> и альбом рисунков в единственном экземпляре “Прощальный вечер Андрея Белого в Волфиле”» (с. 30). Начинается этот отчет с берлинского адреса Ремизова.

Зандер не был знаком с Ремизовым, и первое письмо начинается с извинения, что пишет он, не будучи лично представлен писателю. Блестяще написанное письмо, эта «само-рекомендация» автора упоминает знакомство отца Зандера с Ремизовым через семью М.И. Терещенко⁷, книгу, подаренную его отцу Ремизовым, собственный интерес Зандера к писателю и, главное, зачарованность Обезьяньей Палатой и просьба быть принятым в ее члены. Хотя письмо Зандера – это отклик на ремизовские публикации в «Русской книге», знать о существовании Обезьяньего царя Асыки он мог еще по Петербургу, поскольку «Трагедия о Иуде» с обезьянами и Царем Асыкой вошла в 8-ой том «Собрания сочинений» Ремизова, печатавшегося в издательстве Терещенко «Сирий»⁸. В перечислении «заслуг», делающих его достойным членства в Палате, Зандер выписывает имена и прозвища, которыми его называли соученики, сослуживцы и студенты и, таким образом, используя игровой тон, фактически представляет свой «послужной список».

Упоминание обсуждения в студенческом кружке книги С. Булгакова «На пиру богов»⁹ и «Пятой язвы» Ремизова служит как бы вступлением ко второму письму, в основном посвященному темам этих двух книг. Письмо Зандера, не оставляя установленный первым февральским письмом игровой тон, и – можно предположить, – поддержанный Ремизовым, формулирует поставленную, но не разрешенную в повести проблему, как антиномию между абстрактным и конкретным, и обращается к теме «переоценки ценностей» – революции как суду над русским народом и Россией. Развивает эту тему Зандер главным образом на материале «Пятой язвы»¹⁰, но необходимо принять во внимание, что свои собственные публикации этого времени Зандер связывает с установками сборника «Вехи», таким образом, упоминаемая им книга Булгакова выступает как подтекст его письма. В своем капитальном труде о миросозерцании Булгакова Зандер писал: «<Булгаков> воспринял революцию, главным образом, с точки зрения ее проблематики – как жизненную переоценку всех русских установок – как страшный суд над всеми сторонами русской жизни»¹¹.

К этому времени доцент Зандер – вполне сформировавшийся лектор и педагог. Невзирая на Гражданскую войну и вызванные ею переезды, он не оставляет свою академическую работу и продолжает подготовку к магистерским экзаменам, начатую еще в Перми под руководством Н.В. Устрялова¹².

Педагогическая деятельность Зандера не ограничилась преподаванием курсов в Пермском и Дальневосточном университетах, а с 1925 года – в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже. Показательно, что уже в Перми и Владивостоке, помимо формальных лекционных курсов, он занимается со студентами в «кружках». Эта фор-

ма работы стала основой только зарождавшегося в то время Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Зандер был блестящим лектором¹³, и его дальнейшая экуменическая деятельность была также, в определенном смысле, работой педагогической. Его многочисленные лекционные выступления о Православии были не столько миссионерскими – он выступал перед инославными христианами, – сколько именно «педагогическими», потому что ставили своей целью открытие Православия западному христианскому миру. Мы остановимся здесь лишь на одном примере.

В 1932 г. в добавление к своим профессорским обязанностям Зандер был назначен финансовым секретарем Богословского института. В связи с мировым финансовым кризисом положение института пошатнулось, и Зандеру было поручено найти новые источники финансирования. С целью сбора средств для продолжения деятельности института он решил организовать выступления небольшого, но высоко профессионального институтского хора перед протестантскими аудиториями. Выступления хора с церковными песнопениями предшествовали лекции Зандера о значении пения в православном богослужении. Благодаря энергии и связям Зандера это начинание оказалось очень удачным, и выступления хора вынужденно прекратились только в 1939 г.¹⁴

Последнее письмо Зандера к Ремизову из Праги в Париж резко отличается от первых двух. Оно состоит почти целиком из многочисленных взаимных просьб и ответов на них. В нем Зандер также передает привет Серафиме Павловне, что заставляет предположить, что до приезда в Прагу Зандер побывал в Берлине и встретился там с Ремизовыми лично.

Приношу благодарность Центру русской культуры в Амхерст Колледже и его директору проф. Стэнли Рабиновицу за разрешение публикации писем и воспроизведения рисунков¹⁵.

п р и м е ч а н и я

- ¹ «Русская книга» (1921), «Новая русская книга» в 1922-23 гг., см.: *Русский Берлин. 1921-1923*. Ред.: Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris: YMCA-Press, 1983; 2-ое изд.: Париж-М.: ИМКА-Пресс; *Русский путь*, 2003 (далее везде – *Русский Берлин*).
- ² Ремизов входил в совет «Дома искусств в Берлине» (1921-23 гг.) как товарищ председателя. Членом была также Серафима Павловна Ремизова-Довгелло. Вышло два номера (первый – двоянный) «Бюллетеней Дома искусств в Берлине». См.: Thomas R. Beyer, Jr. «Бюллетени Дома искусств. Берлин». *Rossica* (Prague). II (1997). С. 1; здесь же воспроизведены тексты Бюллетеней.
- ³ См. приложение к письмам Ремизова (*Русский Берлин*, с. 175-187).
- ⁴ См. капитальное исследование Елены Обатниной, включающее наиболее полную информацию об Обезьяньей Палате, ее истории и членах: *Царь Асыка и его подданные*.

Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001 (далее везде – Асыка).

- ⁵ См. об этом: Лазарь Флейшман. «В кругу ремизовских мистификаций: “Конклав” Саркофагского». *От Пушкина к Пастернаку*. М.: НЛО, 2006. С. 182-209; а также: «Из комментариев к “Кукхе”. Конкретор Обезвельволпала». Там же. С. 171-181.
- ⁶ См.: Алексей Ремизов. «Кишмиш». *Мышкина дудочка*. Париж, 1953.
- ⁷ Михаил Иванович Терещенко (1886–1956) – крупный землевладелец и финансист, общественный и политический деятель. В период знакомства с Ремизовым Терещенко был чиновником особых поручений при Дирекции императорских театров. По его инициативе Ремизов работал над «русальным действием» для постановки балета. В 1912-15 гг. Терещенко, вместе с сестрами Елизаветой и Пелагеей, основал издательство «Сириин». Это годы тесного общения семьи Терещенко с Ремизовым: «13-й год – канун войны. Тут еще память о революции 1905 г. Петушок. И “Пророчества”. Пятая язва. Изд. Терещенки, “Период Терещенко”» (Наталья Кудрянская. *Алексей Ремизов*. Париж, <1959>. С. 166). С началом войны издательство закрылось. Историю создания издательства см.: «“Сириин” – дневниковая тетрадь А. Ремизова». Предисловие, публикация и примечания А.В. Лаврова. *Europa Orientalis*. Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.-Салерно, 2003. С. 229-248.
- ⁸ Асыка, гл. «Явление обезьяньего царя и его свиты». Здесь дается ссылка на первое «Собрание сочинений» Ремизова 1910-12 гг., в 8 тт., печатавшееся в изд. «Шиповник», два последних тома были изданы издательством «Сириин». Все последующие ссылки даются по второму «Собранию сочинений» в 10 тт. (М.: «Русская книга», 2001-03; далее везде – *Собр. соч.* с указ. тома и страницы).
- ⁹ С. Булгаков. *На пиру богов. Pro и Contra. Современные диалоги*. София, 1921.
- ¹⁰ Зандер скорее всего был знаком с этой повестью еще по первым публикациям 1912 и 1913 гг. См. статью «Апокалипсисы Алексея Ремизова (“Пятая язва” и “Плачущая канавка”)» и комментарии А. Грачевой в *Собр. соч.*, т. 4. К теме суда над старой Россией Зандер возвращается в своей статье «Философские темы в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”» (*Вестник Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД)*. 1959. № 52, 53).
- ¹¹ Л.А. Зандер. *Бог и мир. Мирозерцание о. С. Булгакова*. 2 тт. Париж: YMCA-Press, 1948. Т. 1. С. 45.
- ¹² Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) – правовед, политический деятель, идеолог сменовеховства, национал-большевик. В 1918 г. приват-доцент на кафедре государственного права в Пермском университете, юрисконсульт в правительстве Колчака и директор пресс-бюро отдела печати. С начала 1920 г. жил в Харбине, где преподавал на Юридическом факультете, в 1926-35 гг. – советник на КВЖД. В 1935 г. вернулся в СССР, преподавал в МГУ; расстрелян в 1937. Перед отъездом в СССР отправил свой архив в Гуверовский институт при Стэнфордском университете. См. публикацию подборки писем из его архива: О.А. Воробьев. «Фашизм и коммунизм движутся единой интуицией (Из переписки Н.В. Устрялова с разными людьми)». *Грани*. № 201 (2002). Эта публикация включает шесть писем Зандера Устрялову за 1920-21 гг. (далее везде – *Фашизм и коммунизм*). Об Устрялове см. также: М. Агурский. *Идеология национал-большевизма*. Париж: YMCA-Press. 1980.
- ¹³ Вот оценка молодого Зандера профессором прот. В. Зеньковским (1881–1962), первым председателем РСХД, оставшимся им до смерти: «За осень <1923 г.> в Праге очень выдвинулся Л.А. Зандер, приехавший к концу лета из Владивостока. Его блестящий дар изложения, профессорский опыт, глубокая церковность делали его очень нужным для всех кружков человеком» («Зарождение РСХД в эмиграции (Из истории русских религиозных течений в эмиграции)». *Вестник РХД*. № 168 (1993). С. 37.
- ¹⁴ Статьи Зандера об этих поездках, включавших Швейцарию, Голландию, Англию, Шотландию и Скандинавские страны, собраны в книгу, изданную посмертно: Л. Зандер.

Песнь Господня. Париж, 1981. Укажем здесь посмертные публикации статей Зандера в «Вестнике РХД»: «Русская религиозная философия и Православная Церковь» (75-76, 1964-1965; эта статья заключает раздел «Памяти проф. Л.А. Зандера»); «Экуменические размышления об общении в таинствах и молитве» (165, 1992); «Молитва о единстве (слово Л.А. Зандера, произнесенное после молебна о единстве христиан 21 января 1945 г. в румынской церкви Парижа)» (165, 1992); «Проект меморандума о РСХД» (1947, из архива УМСА-Press; 187, 2004 – это краткий, но исключительно содержательный отчет о целях и работе РСХД, в котором Зандер, наряду с В.В. Зеньковским, был одним из наиболее активных руководителей с самого основания в 1923 г. См. также: L. Zander. *Vision and Action*. London, 1952). Помимо русской периодики Зандер много публиковался на немецком, французском и английском языках. В 1960 г. Зандер был удостоен почетной степени доктора Свято-Сергиевского Богословского института и степени доктора богословия Марбургского университета. Личная библиотека Зандера была передана Богословским институтом в Париже в Библиотеку Академии наук в Санкт-Петербурге. На открытии коллекции книг (февраль 1994 г.), в связи с празднованием столетия Зандера, были прочитаны доклады проф. прот. Борисом Бобринским «Л.А. Зандер в жизни Свято-Сергиевского Богословского института и в экуменическом движении» и Е.Ю. Бобринской «Биография Л.А.Зандера».

¹⁵ Основные источники информации по Дальнему Востоку, использованные в этой публикации:

– Коллекция «Русского харбинца». Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006 (далее везде – Слободчиков).

– Патриция Полански. *Русская печать в Китае, Японии и Корее*. М., 2002 (далее везде – Полански).

– А.А.Хисамутдинов. *Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии*. Владивосток, 2002 (далее везде – Хисамутдинов).

– *По странам рассеяния*. Ч. 1. *Русские в Китае*. Владивосток, 2000.

– *Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке*. Библиографический словарь. Владивосток, 2000.

– Н.Н. Яновский. *Русские писатели Сибири XX века*. Материалы к словарю. Новосибирск, 1997.

Письма Л.А. Зандера к А.М. Ремизову

1¹

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Знаю, что нельзя писать так, как я пишу: так сел просто и начал выводить – без предисловия. Одна надежда: у нас вечер – у Вас утро: может быть Вы и не вмените мое писание в неприличие – дальностью расстояния извините...

Каюсь Вам: Снедаем честолюбием: по обезьяньему знаку. Много лет уже! С тех самых пор, как узнал о нем от моего отца, доктора Александра Львовича Зандера², который с Вами познакомился у Елизаветы Михайловны Терещенко³, да, кажется, и у Вас был. Вы ему еще книгу с надписью подарили (кажется «Весеннее порошье»⁴), а он ее мне дал. Обещал меня с Вами познакомить и я этому весьма радовался, да не вышло – не то на фронт пришлось уехать, не то что-то другое помешало⁵. Да мешало-то многое и всегда. Теперь вот кажется всего, в пределах возможного, достиг: на любимом деле сижу, и работа идет

успешно, и люди хорошие есть, и от своих известия хорошие получаю. И даже самолюбие может быть удовлетворено: успех все время. Но нет – мечта об обезьяньем знаке так и грызет...

Как прочитал в «Русской Книге» письмо Ваше⁶ – так сон потерял. Вот когда чеховского голову понял, который без Льва и Солнца жить не мог!⁷ Заслуги же мои следующие:

I. Напечатал этюды: «Сверхъестественное у Тургенева», «Нравственная ценность войны», «Обоснование социального воспитания», «Данность и заданность (вступительная лекция)», «Лекции по этике», «Учение К. Леонтьева о прогрессе»⁸ и мелочи – что у меня имеется, посылаю.

II. Читал в университете курсы этики, логики, философии культуры, философии религии, о Влад<имире> Соловьеве и о Фаусте.

III. Докладов читал много: и о Киркегоре (о коем работу сдал в печать) и о А. Блоке и о С.Н. Булгакове, о Бергсоне – много по религиозным и церковным вопросам.

IV. Сотрудничал в «Свободной Перми»⁹, «Новом Пути»¹⁰, «Русском Крае»¹¹. Пишу в харбинском «Русском Голосе»¹² – все статьи в иде<о>логии «Вех»¹³ – подписываюсь Виктор Эремита¹⁴.

V. Имею следующие почетные прозвища от детей в Германии (в годы студенчества в Гейдельберге¹⁵): Das japanische Froschgerippe, der Orang-Utang, das Zanderlein.

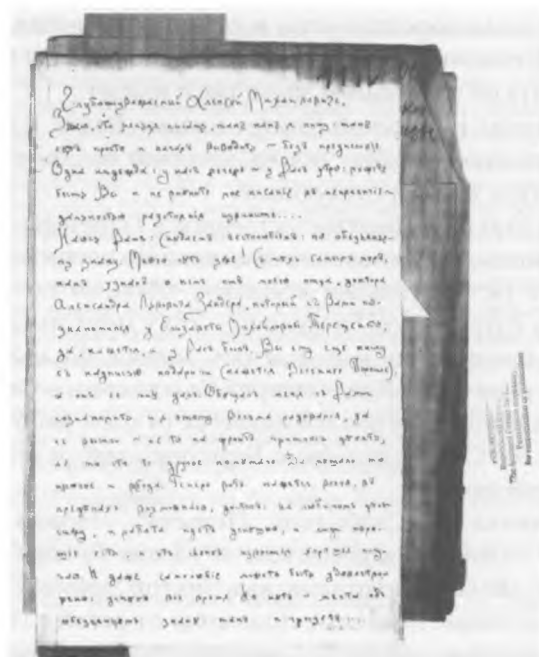
От товарищей по Александровскому Лицею¹⁶ – Der kleine Wundt (я его тогда переводил)¹⁷.

От «Зеленого кольца» (студенческий кружок, мною устроенный в Перми и здесь: Maestro; а здесь – Симпосиарх, ибо собираются в моей конуре, а угощать я за бедностью не могу (жалованья-то ведь нам не платят), так имеется на каждый раз «дежурный колбасник и фруктощик», а я только «предстоятель». Состою рыцарем ордена Липы (всего два рыцаря и гроссмейстер), членом и секретарем разных ученых и неученых общ<еств>.

Имею еще прозвище Лубузьяна I (и так обезьяну исковеркали) – сослуживцы из разных учреждений (служил в Публичной Библиотеке, в Штабе Верховного, в бюро печати, в двух университетах¹⁸) почему-то зовут просто Левушкой.

VI. Обладаю весьма обезьяноподобной наружностью, что неоднократно и многими засвидетельствовано, на какую-то заслугу более всего и уповаю. Sic! (а фотогр<афию> прислать не могу – нет!)¹⁹

Недавно в «Зеленом кольце» было следующее: два месяца толковали о России и Culture, об интеллигенции и ее задачах, об идеалах и современности. Толковали, читая «На пиру богов» Булгакова²⁰. Комментировали и критиковали: публика серьезная. А потом я предложил прочесть «Пятую язву» (случайно «Подорожие»²¹ здесь на-

Первый лист письма (февраль 1922 г.) Л.А. Зандера к А.М. Ремизову
(Центр русской культуры в Амхерст Колледже. Архив Ремизова).

шел). Отнеслись к ней как к символу. Бобров – культура – настоящая, европейская, с Кантом в крови. Спорили. Но положение в общем вышло таково. Очень хорош Бобров как следователь и подражать ему следует (*вопрос жизни*, впрочем и у Вас «вождь Жизни»). Но только надо помнить логику (*pars pro toto!*) и нельзя быть только следователем! В деле будь Бобровым, но не живи только делом. Вот экстракт приговора, а за ним целое философское обоснование стоит, а я так даже схему с буквами имею.

Если Вы сообщите мне, где Е.И. Терещенко²², буду очень признателен: давно потерял из виду, а это – друзья. Если пришлете что из Ваших новых книг – радость будет. Хоть мы университет и устроили, а все же на голой скале сидим.

Дай Вам Бог всего доброго.

Искренний почитатель Ваш Л. Зандер.

февраль 1922

Адрес: Владивосток.

Государственный Дальневосточный Университет.

Доценту Льву Александровичу Зандеру.

- ¹ Вох 1, f. 5, 10. Автограф чернилами. Над текстом рукой Ремизова помечена дата получения: 11 IV. Начало письма (просьба о принятии в Обезьянью Палату) напечатано в: Асыка, с. 284.
- ² Александр Львович Зандер, врач в семье вел. кн. Михаила Николаевича.
- ³ Елизавета Михайловна Терещенко – мать М.И. Терещенко. См. прим. 7 к вступительной заметке, а также: В.В. Ковалинский. *Семья Терещенко*. Киев, 2003.
- ⁴ *Весеннее порошье*. СПб.: Сирин, 1915.
- ⁵ В начале Первой мировой войны Зандер продолжал службу в Министерстве народного просвещения и принимал участие в организации помощи русским военнопленным при Русском Красном Кресте, в 1915 г. уехал на фронт. Наиболее полная биография Зандера: «Памяти Льва Александровича Зандера. Биографические данные». *Вестник РСХД*. № 75-76 (1964-65). С. 26-33 (далее везде – *Биогр. данные*). Добавочная биографическая информация: В.А. Зандер. «Путь моей жизни». *Вестник РХД*. № 142, 143, 144 (1984-85).
- ⁶ *письмо Ваше...* – см. вступительную заметку.
- ⁷ Рассказ А.П. Чехова «Лев и Солнце» (1887).
- ⁸ *Константин Леонтьев о прогрессе*. Пекин, 1921.
- ⁹ «Свободная Пермь» – газета, выходившая в Перми в первой половине 1919 г., в редакционную коллегию входил Н.В. Устрялов.
- ¹⁰ «Новый путь» – газета, выходившая в 1919 г. во Владивостоке, редактор приват-доцент Томского университета. А.М. Гнеушев.
- ¹¹ «Русский край» – газета, Владивосток, 1921-22; ред.-изд. П.П. Васильев.
- ¹² «Русский голос» – газета Управления по делам русской эмиграции в Харбине (1920-26); ред.-изд. С.В. Востротин.
- ¹³ *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909.
- ¹⁴ Виктор Эремита – Victor Eremita – псевдоним Сёрена Кьеркегора, «редактора» *Или-или*.
- ¹⁵ в Гейдельберге – осенью 1913 г. Зандер сдал экзамены на юридическом факультете Петербургского университета и уехал в Гейдельберг, где занимался философией у В. Виндельбанда (Wilhelm Windelband). Эти занятия прервала война. В статье о Федоре Степуне, который тогда же был в Гейдельберге, Зандер писал: «...в Гейдельберг мы ехали с психологией паломников: <...> мы искали не просто знания (или, упаси Боже, дипломов), а мудрости» («О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах. *Мосты* (Мюнхен). Вып. 10 (1963). С. 319).
- ¹⁶ *Императорский Александровский Лицей* Зандер окончил в 1913 г. с золотой медалью за диссертацию о Спинозе.
- ¹⁷ *Wilhelm Wundt* (1832–1920) – врач-психолог, один из основоположников современной психологии.
- ¹⁸ в Публичной Библиотеке, в Штабе Верховного, в бюро печати, в двух университетах – «В 1915 году <Зандер> был прикомандирован к штабу Артиллерийского Управления и уехал на фронт в ставку Верховного Главнокомандующего. Служил он и переводчиком и работал по расшифровке военных телеграмм, исполнял ответственные задания, ездил на позиции и был награжден орденами св. Анны и св. Станислава» (*Биогр. данные*, с. 29). В 1917 г. Зандер служил в Публичной библиотеке в Петрограде, затем получил место доцента на философском факультете недавно основанного университета в Перми; там же работал в бюро печати, во главе которого был Устрялов. После эвакуации Пермского университета преподавал философию в Дальневосточном университете во Владивостоке.

¹⁹ Вот как описывает облик Зандера В. Вейдле, знавший его еще со времени совместного преподавания в Пермском университете: «Робости он не внушал. Величественности в нем не было <...> Менялся он мало. В молодости не казался так уж молод; в старости оставался душой не стар. Иконописного лика не приобрел <...> <В>ерность делу и людям, друзьям далеким и близким была врожденной его чертой, неотделимой от верности самому себе» («В печали об ушедшем». *Вестник РСХД*. № 75-76 (1964-65). С. 39-40).

Добавлю от себя несколько слов о Л.А. Зандере, приехавшем из Парижа в Мюнхен в 1948 г. на первый послевоенный съезд РСХД в Германии. Лев Александрович был небольшого роста, совершенно лысый, в очках, очень подвижной, с веселым огоньком в глазах. Неожиданным было соединение этой легкости, чувства юмора и открытости с глубоко серьезным содержанием его доклада.

²⁰ См. вступительную заметку.

²¹ «Пятая язва» была впервые опубликована в «Литературно-художественном альманахе изд. "Шиповник"» (Кн. 18. СПб., 1912); вошла в сб. «Подорожие» (изд. Сирин, 1913); отдельное изд.: Берлин, 1922; *Собр. соч.*, т. 4. Возможно Зандер был знаком с повестью Ремизова по изданию 1913 г.

²² *Елизавета Ивановна Терещенко* – сестра М.И. Терещенко. Как видно, Зандеру удалось наладить связь с сестрами Терещенко. В архиве Ремизова сохранился конверт с надписью: «Алексею Михайловичу Ремизову/ Chambre des Signes au Bois de Boulogne. Раньше помещалась R<ue> Chardon Lagache 51, а где теперь – неизвестно. Впрочем всегда можно справиться 1. у Пелагеи Ив<ановны> Чайковской – R<ue> Poussin 41 (все в тех же краях – Auteuil). 2. у всякого книжника» (Вох 3, ф. 10, 19). В другой записке с последним адресом указано имя *П.И. Чайковской-Терещенко* (Вох 3, ф. 3, 31).

Продолжение письма февраля 1922 г. ¹

Два сонета – серьезный и пародия:

Дьявол.

Il y a un moment, où la curiosité devient un péché,
et le Diable s'est toujours mis à côté du savant (A. France)².

Я видел дьявола: безрогим, нехвостатым
Artifex maximus – он строил на песке
Развертывал миры – на грифельной доске
Не зная удержу ученым цитатам.
В поношенном пальто – с воротником поднятым
С почтенной сединой на ссохшемся виске
По мокрой мостовой шагая налегке
В тумане осени – он мне казался – братом.
“Чтоб легче было жить – в бессмертие поверь,
Чтоб не заботиться – забудь о нем теперь,
Вступи навек в союз с наукой площадною” –

А город под дождем ворочался как спрут
В час изумительный, когда огни зажгут
И мутные горят подземною тоскою.

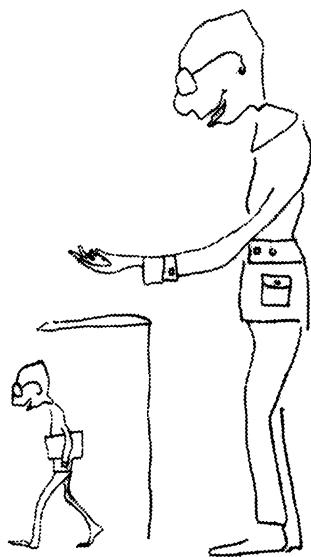
поэт Всеволод Никанор<ович> Иванов³.

Пародия. Сонет «Зандер»...

Я видел Зандера безрогим, нехвостатым
Законы логики чертил он на доске
Развертывал миры в протянутой руке
Не зная удержу платоновским цитатам.
Затянутый в пальто, с воротником поднятым
Еще таинственней, чем был зимой в дохе
С обритутой головой шагая налегке
В своих больших очках казался он Сократом.
“Чтоб надоесть другим – в Леонтьева поверь!
Чтоб не сойти с ума – забудь о нем теперь!
Усердно Канта славь с немецкою слезою!”
Владивосток меж тем ворочался как спрут,
Когда огни зажег Восточный Институт⁴,
Оставленный давно студенческой толпою...

поэт Мих<аил> Вас<ильевич> Щербаков⁵.

P. S. к письму. За неимением портрета (см. пункт VI) прилагаю копии с двух рисунков художника Урванцова⁶. Кроме того сообщу, что над всей философией, т.е. на вершине книжного шкапа, сидит у меня облизьяна, из Пекина мною вывезенная. Вся из черной тряпки и с двумя дитенышами; один на плече, другой у ног, сама рукой машет; глаза – пуговицы – добрые. Получил же я ее от нашего драгомана Н.Ф. Колесова⁷, у кот<орого> сами китайцы китайскому языку учатся – потому что сызмальства ко

Автопортрет Л.А. Зандера, февраль 1922 г.
(Центр русской культуры в Амхерст Колледже.
Архив Ремизова).

всему обезьянскому я превеликую склонность имею (исключая «гогота»⁸ разумеется). Крутом же разные чертяки развешаны – работы того же Урванца и прочих; на столе петух стоит – с хвостом. ...если сам я окажусь недостойным, то очнь прошу Вас регламент и статут обезьяньего знака сообщить, чтобы я хоть мечтать мог. А то знаю, что есть Асыка I, а какой не знаю.

- ¹ Вох 1, f. 5, 14. Автограф чернилами. На обороте рисунки, которые мы воспроизводим в публикации.
- ² Не совсем точная цитата из сборника афоризмов Анатоля Франса (Anatole France. *Le Jardin d'Epicure*. Paris, 1895).
- ³ Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) – прозаик и поэт, в 1917-22 гг. – журналист в Омске и Владивостоке; в 1922-45 гг. жил в Харбине, Тяньцзине и Шанхае, вернулся в СССР, жил в Хабаровске. См.: Слободчиков, с. 41-43; Полански (по указ.). Это стихотворение Зандер приводит в примечании в своей поздней статье в описании прозаичности и пошлости чёрта Ивана Карамазова («Зло и отрицание». *Грани*. № 47, 48 (1960); стихотворение напечатано в № 47 на с. 205).
- ⁴ Восточный институт был основан во Владивостоке в 1899г. В 1921 г. на основе института был открыт Государственный Дальневосточный университет.
- ⁵ Михаил Васильевич Щербаков (1890–1956) – поэт, прозаик; в Первую мировую войну – фотоаэросъёмщик во Франции; после войны во Владивостоке, с 1922 г. в Шанхае; после Второй мировой войны поселился в Сайгоне. Заболел душевным расстройством и как французский подданный уехал во Францию, где покончил жизнь самоубийством. См. Слободчиков, с. 99-101, а также Полански (по указ.). В коллекции Слободчикова сохранилась часть книжного собрания Щербакова, которое он передал ему, уезжая из Китая (см. статью А.А. Хисамудинова «Одиссея книг» в: Слободчиков, с. 9-13). В архиве Ремизова сохранилось письмо Щербакова из Шанхая от 1 июля 1923 г. с просьбой о принятии в Обезвельопал. Опубликовано в Асыка, с. 292.
- ⁶ Михаил Львович Урванцов (1897 – не ранее 1976) – художник-иллюстратор, театральный художник; см.: Слободчиков, с. 100.
- ⁷ Николай Федорович Колесов (1867–?) – выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета; драгоман и генеральный консул (1887–1917) в Российском посольстве в Пекине; преподавал в китайских учебных заведениях, переводчик; см. Хисамудинов.
- ⁸ с гоготом обезьянским – встречается в описании нравов и поведения жителей Студенца в «Пятой язве» (*Собр. соч.*, т. 4, с. 219, 239).

2¹

2.9.22

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Я только недавно вернулся во Вл<a>д<ивосток> из путешествия по Китаю и с большой радостью нашел Ваши новые книги и письмо², извещающее меня о высокой чести – получении обезьяньего знака 1 ст<епени> с птичьими перьями. За книги шлю Вам свою искреннюю и глубокую благодарность, что же касается ордена, то он сверх меры

удовлетворил мое честолюбие (ибо я никак не ожидал 1 степени!) и доставил оч^{ень} большое удовольствие. Буду с гордостью носить пожалованное мне Обезвөлвалпал'ом звание и закажу себе соответствующие визитные карточки. С нетерпением ожидаю значковой грамоты, а также некоторых подробностей о самом знаке: в каких случаях его следует возлагать на себя, какой внешний вид он имеет, должен ли я его изготовить сам или же он препровождается Вөлвалпал'ом?.. Все это очень важно для меня, ибо не только сам я пребываю в неизвестности, но и осаждаем постоянными вопросами всех окружающих: что же такое обез^{ьяний} знак, кто его получает и каков его внешний вид... Теперь два слова о прошлом и будущем. Счастливым случаем я весной попал в Китай: был приглашен на Конференцию Всемирного Христианского Студенческого Союза в Пекин³. Приглашая к себе, Союз давал своим гостям средства передвижения, и это позволило мне пуститься в некоторые летние эскапады. Сама конференция была интересна: главным образом тем, что на нее действительно съехались представители всего мира. Так что впечатлений, и при том разнообразных, было много. В Пекине я уже бывал раньше, так что с этой стороны для меня было мало нового. Впечатления об этом исключительном городе уже набросаны мною в нескольких газетных статьях. Потом – в перспективе некоторого отдаления – и пространственного и временного – можно будет собрать все это в статью или книжечку. Но это надо будет сделать в Европе, когда все виденное предстанет в воспоминании сказкой. После Пекина я проехал во всепошлейший Шанхай, главным образом для того, чтобы повидать своих друзей, а потом провел два месяца в горах Лаошина около Циндао – в санатории моего знакомого – д-ра Бергмана. В этом удивительном уголке, любимом месте экскурсий сынов неба, в неприступных горах, вдали не только от культурных, но даже почтово-телеграфных центров – в гостях у милых, дорогих русских людей я: 1. изучал Гегеля; 2. написал книжку об А. Блоке; 3. неумеренно лазил по скалам. Первое имеет специальный интерес; второе только с точки зрения полученного удовольствия и вывиха ноги. А книга о Блоке вышла в след^{ующем} духе. «Памяти Блока» (разрозненные мысли) – не литературное исследование (отнюдь), а отдельные главы к его пониманию и изучению, с подчеркиванием некоторых сторон поэзии Блока, меньше других известных, с комментированием некоторых его мистических прозрений и философских символов. После предисловия две главы, посвященные поэтической метафизике: «Тайна творчества» (о том, что искусство есть ясновидение, а именно обнаружение смыслов) и «Причастный тайнам» (о том, что эти смыслы суть присущая, но скрытая в вещах красота). Затем две главы – о религиозных мотивах в поэзии Блока («Русский Христос» и «В темном

храме»), затем проблема вечной женственности («Богоматерь» и «Мэри») – от Незнакомки я стараюсь поэта спасти как от «сонного марева» и «пьяного чудовища». Две главы посвящены проблеме России («Россия», «большевизм», «Возвращение») и – конец. Книга изобилует цитатами (здесь Блока достать не так-то легко), что превращает ее отчасти в блоковскую антологию по некоторым вопросам. Всего стр<аниц> на 150. Написал-то я ее написал, а печатать и нельзя. Пока рукопись лежит; даст Бог приеду в Европу и там удастся напечатать. А приехать в Европу я собираюсь. Необходимо и встряхнуться и набраться новых впечатлений и поучиться. А то в здешнем огуречном рассоле можно совсем застыть⁴. Мои коллеги согласились с этим и университет дал мне годовую командировку в Германию. К сожалению у нас в университете такое засилье метафизики, что даже командировку приходится понимать духовно; попросту – денег не дали, что впрочем само собой разумеется, ибо через три месяца мы будем справлять годовой юбилей неполучения жалованья. Оказывается, что государство прекрасно может жить без финансов; – совсем по системе пресловутого цыгана... Тем не менее я надеюсь в январе выбраться. Для этого после Лаошина я некоторое время предавался в Харбине страшным излишествам в отношении чтения публичных лекций и кое-как обеспечил себе часть путешествия. Хочу повторить подобный опыт на Рождестве и тогда с Божьей помощью двинусь в путь. Так что весной ждите меня к себе. Конечно, обратного пути из Европы во Вл<a>д<ивосток> нет: из Берлина надо в Петербург – и самому очень хочется, и Папа мой о том же пишет. Боюсь только, что с моим направлением и мыслями работать в России еще нельзя. Хоть я и чужд политике совершенно, но не религии и не Церкви, а ведь это сейчас тоже в политику превращено. Для Европы у меня и нескольких моих друзей (и здешних и тамошних) есть большие планы большой работы: не без цели еду⁵. Но все это еще очень смутно... Теперь же пока я еще никуда не уехал, обдуваем тайфунами и живу в ожидании красных, которые ведут с нами войну в 100 в<ерстах> от Вл<a>д<ивостока> (а если придут, то плохо будет) – и в этом ожидании порой даже сомневаюсь, удастся ли выбраться так планомерно, как хотелось бы⁶.

Обращаюсь к вопросу существеннейшему, исходя из Ваших мыслей. Основное сомнение, основная антитеза – это борьба конкретного и абстрактного. И насколько всякому начинающему мыслить ясно, что конкретная будничная жизнь должна быть оформлена, преобразована, просвещена абстрактной, неизменяемой нормой добра, настолько же ясно всякому хоть немного искусившемуся в философии и непогрязшему в формулах, но живому, – что абстракция есть пустыня и мороз. Вторая стадия также должна быть преодолена. Как и чем? Я

чую, что здесь синтез дан в религии, но весь вопрос для меня неясен, ибо и в религии есть та же дурная конкретность («пузатый иерей» Блока⁷) и та же дурная абстрактность – догматика как формула. Два зла: чистота мысли, в которой задохнешься и замерзнешь; и теплота быта, кот<оторая> плохо пахнет. Где же путь?..

Почему я пишу об этом Вам? А вот почему. По-моему художник так часто философ! М<ожет> б<ыть> он сам этого не сознает в полной мере: но потянуть за какой-либо из его образов и выйдут из земли те корни философские, на которых он держится. Проблема абстр<актно>конкр<етного> у Вас постоянно ставится и как будто есть признаки разрешения ее; о нем то я и хочу поговорить. В «Пятой язве» Вы жестоко разделяетесь с обеими категориями: и быт и закон одинаково отталкивают от себя. Проблема поставлена режущее ясно: я не могу жить в этом обществе (в Студенце), но я не хочу быть и Бобровым... «Между Богом и людьми ниточки есть»⁸ – это теодицея *post factum*, но никак не норма, не принцип жизни. А он необходим, чтобы жить. Культура, кантианство, право, норма, убеждение *quand même et malgré tout* – все это прекрасно, но это опять Бобров – холод, чистота, разреженность воздуха, протестантство, ригоризм, голая стена, мертвая форма. Для Вас это, конечно, яснее, чем для кого бы то ни было: от каждой строчки Вашей веет любовью. Но вот тут-то и сидит вопрос. Когда Вы описываете быт Ильменевки⁹ и милую, добрую, славную Олечку, которая не поехала домой *um ihre Mama nicht zu blamieren*¹⁰, то нельзя этого читать без улыбки умиления. Я так читал, и все время улыбался – не внутренне, а взаправду. Это шедевр – не в литературном смысле, а в воспитательном, в философском, в этическом. Но... когда Вы подходите к приданому, к теткам, к бешенке¹¹ – ко всему недетскому, то Вы, то есть не Вы, а я, читатель – чувствую некоторый обман. Великий обман искусства. Вашей любовью Вы просветляете весь этот быт, но становится ли он от этого добром? Русь избяная, кондовая...<над строкой: (Блок)> И больше того: если Вы видите поэзию во всех мелочах, в долговых записках, в расписках подъячего («Россия в письменах»¹²), то имеете ли Вы право осудить тот же быт в аспекте настоящего? Чем хуже наше время того старого, овейанного поэзией прошедшего... На это Вы скажете: да оно и не хуже; у него есть своя поэзия – и тот же Блок нам это доказал... Но тогда, где критерий добра? Откуда слово о гибели земли Русской? Почему плач, почему горе?¹³ Только потому, что погибает тот быт, к которому Вы привыкли; но это еще не резон... Не подумайте, что я ищу примирения с современностью. Иванова-Разумника¹⁴ надо повесить на первой осине: не за политику, а потому что он – ломовой извозчик лапищами своими и в калошах самое

тонкое, самое интимное, самое глубокое охватить хочет (он по-моему органически противен искусству). Нет, меня пугает любовь к быту прошлому, потому что она может повести к любви к быту вообще, а потом и к мерзости настоящего. Страшная огромная проблема. Мой любимый писатель Чехов – но ведь он деморализует. Ибо если с одной стороны он учит человечности, то с другой он не дает нормы, не указывает куда идти, не воспитывает. И, конечно, ребенок, воспитанный на Чехове, будет неврастеником. Нет, тут что-то не так. Недаром Платон хотел изгнать всех музыкантов не бравурных, всех поэтов не героических... и вот, всюду, всюду: я вижу зло и ложь быта и одновременно зло и ложь мысли, сиречь абстракции. С одной стороны хочешь традиции, старины, уклада, а с другой до смерти их боишься. Особенно остро это в религии. Где без традиции совсем нельзя, но где высшая подлинность не укладывается в рамки поповства, а втиснутая в нее – кастрируется...Одного моего знакомого философа М.О. Гершензон спросил: а вы не фальшивомонетчик? Как мне понять этот вопрос? Ибо и о. Ландышев – моровой батюшка и Бобров¹⁵ – оба фальшивомонетчики. Первый тем, что пакостный быт выдает за веру Христа, а второй тем, что его добро корней не имеет и потому из бумаги сделано, а не из золота... Философы слишком часто бывают фальшивомонетчиками, а я не хочу. Хорошо Вам с такой любовью. Но ведь искусство не обязывает к тому, что требуется от философа. Вы изображаете красоту видимую и красоту невидимую, и в этом смысл и цель Вашей работы. А об антиномии, о проблеме Вы уже можете не заботиться. А нам каково! Еще можете сказать, да в чем дело, из-за чего Вы скандалите, все равно ничего не измените. Но вот Эренбург бросает прямо вызов: нет ни добра, ни Бога, ни смысла. Вертится и все тут¹⁶. А молодежь развращается, а молодежь спрашивает; а учить ее нечему. Т.е. видите ли, конечно, и книг и учебников много, но, ведь для того чтобы учить, философски надо быть не фальшивомонетчиком. Надо найти, если не идеал, то хоть путь к нему. Старый быт конечно разрушен и мы ненавидим большевиков как людей беспочвенности и абстракции, кот^{орые} разрушили тот быт, который мы слишком мало ценили. «Что имеем не храним». Что же – нам дали новый быт: ужасный, кошмарный и всякая прочая штука, но все же *быт* и довольно прочный, так что он даже идею коммунизма съел. Со временем вероятно и он искусством будет проработан. Даст удивительные образы. Но тогда, почему же теперь его не приемлем – не в смысле голода и неудобства – а из глубины – морально. Неприемлема европейская культура, ибо она в отношении России есть абстракция, но неприемлем и быт: ни старый, ни новый. Старый уже предмет археологии: ни в Помазанника теперь никто не верит, ни скромное есть за грех не считает. И ре-

ставрация старого быта (у нас здесь сейчас опыт делают) не только тухлятинкой, но и кощунством отдает. А новый – еще того хуже. Вы понимаете мою мысль: я страдаю от раздвоенности; читая Ваши описания быта постоянно думаю: ах как хорошо! как было уютно, гнездовито, мило, тепло...И сейчас же: «но как хорошо, что этого больше нет»...И сейчас же: «Ты думаешь так потому, что духовно без роду и племени – изгой несчастный»...и ведь даже общество тайное Ваше есть попытка создать быт (в мелочах формы), но просветленный, от человеческого отличный, без лжи и лицемерия... Вот проблема – во всей жизненной серьезности, во всей неизбежности и всеобщности. – Простите мне всю эту предиду. Мне казалось, что к этому вопросу Вы подошли в Вашем творчестве вполне. Подошли к вопросу, а ясности нет. Ибо рядом с фантастикой, любовью ко всему старому у Вас вдруг такие европейские нотки, такая проповедь культуры самой кантианской, что просто диву даешься... Я только ставлю проблему, делюсь с Вами мыслями и сомнениями. Пока вы мне помогли эту проблему осознать, м<ожет> б<ыть> можете и разрешить... Я чувствую, где есть правда (подлинная) и где ее нет; так же как нюхом узнаю от Бога или от черта тот или иной философ. (Гегель, Спиноза – от Бога, Шопенгауэр – от черта; Кант – на с<е>редине – как Достоевский – Иван Карамазов). Но чутья мало. Как черту ивановскому хочется формулы и геометрии... Конечно проблема очень далекая и в борьбу логицизма с психологизмом она уходит и в юридизм и социологизм и далеко, далеко. Но если все эти проблемы важны и существенны то только потому, что они выражают собой основную антиномию жизни. Я чувствую даже, что разрешение проблемы может быть только религиозным, но для этого необходимо как-то преодолеть и ассимилировать религию быта и религию философии. Проблески же разрешения я вижу только в некоторых живых людях – христианах по существу – живых, но не бытовых, мыслящих, но не абстрактных. Это Алеши, но живее, чем у Достоевского... А ни наука ни искусство пока мне в решении проблемы не помогают...

Книги для Вас, вышедшие здесь, я собираю и на днях пошлю. Очень мало, но кое-что есть. Я посылаю литературное, не выбирая качественно – так что не удивляйтесь, что много ерунды. Впрочем поэма о Серой Даме¹⁷ во многом очень интересна: особенно про греков...

Недавно один знакомый нашел мне «Бюлетень дома искусств»¹⁸. Восхитившись манифестом переписываю его на веленовой бумаге, дабы повесить над письменным столом (впрочем стол не письменный, а скорее вроде кухонного). Висят же над столом еще каррикатуры, картина: животные меня вдохновляющие: гигантские пауки исподлобья смотрящие, сухолапль-птица и ящер со злобным взглядом – все в лесу из цветных трав – и известная Вам обезьяна...

Этим летом иной орден образовался, где шутка смешана с серьезным, память глубокая и намерения искренние с балагурством. Происхождение, устав и смыслы-значения являют собой некую Творимую легенду. А я почти единственный рыцарь (есть еще один) и канцлер его – в знак чего и ношу на себе знак: гвоздь, протыкающий шарик слоновой кости – всё на золотых цепях висит. Гвоздь обладает магической силой: охраняет от злых духов и злых мыслей; как только нечисть в ум ползет или воля от правого пути склонится, гвоздь в сердце втыкается. А иногда на хороших людей показывает, на цепях вращаясь. Называется же <орден?> Паркамлы или абрикосовой роцци Тибета и Лаошина. И обет всегда на себе носить, что и выполняю, ибо обет дал. Только пристают ужасно: что за гвоздь. А я говорю – не гвоздь, а Паркамлы... Гвоздь мне дорог как память о друзьях, пожаловавших мне орден в знак благорасположения и дружбы и во свидетельство моей верности и службы. А т.к. получая какие-либо ордена надо испрашивать согласия Высочайшей власти, то, получив Ваше послание, я сейчас же снял (перерисовал) с него копию и послал гроссмейстеру своему с всеподданнейшим ходатайством разрешить мне принятие оногo. На этом кончу...

Во Вл<a>д<ивостоке> я предполагаю (насколько можно предполагать) пробыть еще два месяца – в работе. Должен читать логику (5 ч.), Проблемы национального и социального воспитания (2 ч.), Историю древней этики (2 ч.); вольные лекции – и утверждение Истины – православная феодицея о. П. Флоренского¹⁹; кроме того у меня студ<енческий> кружок – спец<иально> по бр<атьям> Карамазовым²⁰. Как видите, работа есть и даже весьма. Декабрь думаю читать в Харбине, а потом...

Если черкнете мне словечко, буду очень Вам признателен.

Еще раз благодарю за честь.

Его Величеству великому Асыке Виахтантарарх тараххх повергните к стопам (буде их местонахождение Вам известно) мои чувства верно-преданности.

Глубоко Вас уважающий

Л. Зандер

Канцлер и рыцарь Паркамлы

Кавалер обез<ьяньего> зн<ака> 1
ст<епени> с пт<ичьими> перьями
в звании китайск<ого> обез<ьяньего>
полп<реда>.

¹ Вох 1, f. 8, 29. Автограф чернилами. На первой странице поверх текста помечена дата рукой Ремизова: 29 XI.

- ² Ваши новые книги и письмо – к сожалению, писем Ремизова к Зандеру обнаружить не удалось. В письме Зандер ссылается на несколько книг, полученных им от Ремизова из Берлина.
- ³ Конференция Всемирной Студенческой Христианской Федерации состоялась в апреле 1922 г. в Пекине. World Student Christian Federation (WSCF) была основана в 1895 г. в США. Одним из ее основателей был Dr. John R. Mott (1865–1955), во время Первой мировой войны генеральный секретарь американского National War Work Council, оказывавшего помощь военнопленным в разных странах, в 1917 г. участник американской дипломатической миссии в Россию (Special Diplomatic Mission to Russia); в 1946 г. лауреат Нобелевской премии мира; имел почетные докторские степени от нескольких университетов, в том числе и от Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Доктор Мотт был председателем на конференции 1922 г.
- Конференция в Пекине оказалась поворотным моментом в личной судьбе Зандера и первым шагом в создании Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Трое русских участников конференции, Л.Н. Липеровский, А.И. Никитин и Л.А. Зандер составили проект создания богословского института в эмиграции. Подал этот проект Мотту Зандер, которому принадлежала идея создания высшей богословской школы и который в совершенстве владел английским. Добавим, что «богословским институтом», а не «духовной академией» он был назван в честь и память закрытого в Петрограде «Богословского института».
- ⁴ В письме Устрялову от 14 апреля 1921 г. Зандер писал: «Все-таки у нас море и благодаря этому вентилируется... Хотя плохо. Провинция ужаснейшая, и чувствуется “засол” <...> Надо встряхнуться и проехаться. Первым этапом будет, конечно, Харбин» (*Фашизм и коммунизм*, с. 171).
- ⁵ Имеются в виду планы организации Свято-Сергиевского Богословского института в Париже.
- ⁶ Конец Дальневосточной республики наступил 25 октября 1922 г. с уходом из Владивостока кораблей Сибирской флотилии под командованием контр-адмирала Г.К. Старка.
- ⁷ «пузатый иерей» – «Помнишь, как бывало / Брюхом шел вперед, / И крестом сияло / Брюхо на народ?» («Двенадцать»).
- ⁸ Цитата из «Пятой язвы». *Собр. соч.*, т. 4, с. 267.
- ⁹ Здесь и далее ссылки на «В поле блакитном» (Берлин: «Огоньки», 1922), по-видимому, одну из книг, присланных Ремизовым из Берлина.
- ¹⁰ Зандер имеет в виду следующий эпизод: Оля отказывается от поездки домой на Рождество, чтобы не компрометировать мать, и не показывает начальнице пансиона письмо от нее, в котором сделаны две ошибки (с. 40–41).
- ¹¹ Ссылка на длинное перечисление предметов бабушкиного приданого (с. 25–27), пререкания тетушек о вещах, полученных в наследство (с. 105), и на эпизод с бешеной собакой и упрямством Оли, переходящим в истерику (с. 35–38).
- ¹² *Россия в письменах*. Т. 1 Москва-Берлин: «Геликон», 1922. Не знаем, что ответил Ремизов, но детали старого быта, в том числе и разные перечисления, были частью его работы над словом.
- ¹³ Имеется в виду «Слово о погибели русской земли», впервые напечатанное в «Россия в слове. Литературное приложение № 1» к газете «Воля народа» (28 ноября 1917), вторая публикация: «Скифы». Сб. 2 (Петроград, 1918). «Слово» открывает книгу «Огненная Россия» (Ревель, 1921) и включено в «Взвихренную Русь». См. комментарии к «Слову» А.В. Лаврова («Взвихренная Русь». *Собр. соч.*, т. 5, с. 609–613). Зандер употребляет первое заглавие текста «Слово о погибели земли русской», в дальнейшем замененное на *...русской земли*. Можно предположить, что он видел первую публикацию еще до отъезда из Петрограда.

- ¹⁴ Возможно, что Зандер называет имя Иванова-Разумника в связи с его рецензией на первое издание «Пятой язвы». В комментариях к изданию повести А.М. Грачева упоминает, что в своей рецензии Иванов-Разумник «особо остановился на проблеме трагической отдаленности героя от своего народа» (*Собр. соч.*, т. 4, с. 514).
- ¹⁵ *Моровой батюшка Ландышев* – антагонист Боброва в «Пятой язве».
- ¹⁶ Ссылка на книгу Ильи Эренбурга «А все-таки она вертится» (Берлин: «Геликон», 1922).
- ¹⁷ «*Поэма о Даме в сером*» В.Н. Иванова (см. прим. 3 к Продолжению п. 1), напечатана в альманахе «Парнас между сопок» (Владивосток, 1922), см.: Н.Н. Яновский. *Русские писатели Сибири XX века. Материалы к словарю*. Новосибирск, 1997; со ссылкой на автобиографию автора 1970 г.
- ¹⁸ *Бюллетени Дома Искусств* – в № 1-2 (17 февраля 1922) напечатан “Albern” Ремизова, включающий манифест Обезвельволпала: «Мы <...> асыка первый верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился <...> приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места пусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались, а потому <...> надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей <...> как-будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве <...>» (с. 31-32). Вошел в книгу «Ахру. Повесть Петербургская» (Берлин, 1922).
- ¹⁹ П. Флоренский. *Столп и утверждение Истины*. Москва, 1914.
- ²⁰ Работы этих лет намечают дальнейшее развитие творчества Зандера: он занимался Достоевским всю жизнь, укажем здесь некоторые из его работ: L.A. Zander. *Dostoevsky. Le Problème du Bien*. Paris, 1946; *Тайна добра. (Проблема добра в творчестве Достоевского)*. Франкфурт: «Посев», 1960; «Зло и отрицание». *Грани*. № 47, 48 (1960).

3¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Пункт I: Точные сведения о Ваших книгах проф. Макарову² написал и ответ его прилагаю. Дальнейшее уже не в моей власти.

Пункт II: мне обещано в скором времени знакомство с хозяином Ладженикова (кот<орый> теперь купил и Геликон³ и еще что-то). С ним о том же предмете буду иметь конверсацию.

Пункт III: бью челом за представляемых мною дальневосточных обезьян. От Варвары Михайловны Перевощиковой⁴ получил на днях письмо, кот<орое> прилагаю, п<отому> ч<то> 1. говорится о ее отношении к Асыке; 2. уж больно хорошо написано – вероятно Вам просто прочесть будет приятно, а то без рукописания и орден дать трудно. А ей он очень нужен. Поэт она небольшой, но с душой... А про меня писала оду, которая начиналась словами: (Арарат) На спине своей многодумной – он библейский возрастил.

От Михаила Васильевича Щербакова⁵ ничего не имею, но знаю, что работает. Грамоты и письмо Варвары Мих<айловны> прошу вру-

чить подателю сего⁶; он их приложит к моим препроводительным письмам и отправит по указанным адресам. Больше просьб не имею. Моя же грамота под стеклом.

Пункт IV: у Мельниковой-Папоушковой⁷ еще не был, зане: 1. оч<ень> занят; 2. не знаю адреса; 3. не знаю, какую книгу она у Вас взяла. Все будет однако исправлено.

Пункт V: прошу Вас передать письмо С.Ю. Кулаковскому⁸.

Пункт VI: живу так же. Много богословской работы; запись лекций и обработка их; служба в библиотеке⁹; кружки¹⁰; духовно – оч<ень> интенсивно, иногда даже чрезмерно; осенью жду Папу; писать ничего не могу, да и читать, впрочем тоже. Парижской поездкой остался чрезвычайно доволен¹¹.

Пункт VII: глубокий поклон Серафиме Павловне.

Пункт VIII: Вам бью челом многажды и жду милостивой весточки.

Сердечно преданный Вам – как Алексею Михайловичу и – верный раб Асыки и член Обезвельволпала *кавалер обезьяньего знака 1 степени с птичьими перьями и китайский обезьяний посол*¹², а также Канцлер и кавалер Тибетского ордена абрикосовой рощи

– Л. Зандер.

Narodni tř. 14. У.М.С.А

Praha.

¹ Вох 3, f. 10, 21. Автограф чернилами. Рукой Ремизова помечена дата получения: 4.6. <1924>. Год дается по альбому.

² Н.П. Макаров – в начале 1920х гг. был одним из редакторов издательства УМСА-Press в Берлине, позднее переехавшего в Париж. В архиве Ремизова сохранилось письмо Макарова к Зандеру из Берлина от 10 марта 1924 г. на бланке УМСА-Press (Вох 3, f. 10, 23), в котором он выражает интерес к книгам Ремизова, но сомневается в их соответствии целям издательства, упоминает о предстоящем приезде Б.П. Вышеславцева в Париж и возможности личных переговоров с ним, и просит сообщить об этом Ремизову. В это время радикально менялось направление русского отдела издательства ИМКА, раньше занимавшегося изданием технических учебников и пособий для русских военнопленных (Макаров, специалист по сельскому хозяйству в США, был специально вызван в Берлин для этой цели), но после прибытия в Берлин высланных на «философском пароходе» главным интересом издательства становится религиозная философия, а новыми редакторами – Бердяев и Вышеславцев. См. об этом: Paul V. Anderson. *No East or West*. Paris, 1985; П.Ф. Андерсон. «Бердяевские годы 1922-1939 (Из книги воспоминаний)». *Вестник РХД*. № 144 (1985). С. 244-291; Е.В. Иванова. «Деятельность издательства УМСА-Press в Берлине». *Вестник РХД*. № 188 (2004). С. 334-363. См. также: Лазарь Флейшман. «Об одном забытом эпизоде литературной жизни русского Берлина». *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. М., «НЛО», 2006. С. 147-170.

³ *Геликон* – издательство существовало в Москве в 1917-18 гг., затем в 1920-27 гг. в Берлине и до середины 1930 гг. в Париже; редактор-издатель – Абрам Григорьевич Вишняк. В

этом издательстве в 1922 г. вышла «Россия в письменах» Ремизова. И.П. Ладыжников – владелец издательства (1905-17), с 1918 г. владелец – Б.Н. Рубинштейн; издательство сохранило прежнее название.

- ⁴ *Варвара Михайловна Перевощикова* – это имя не встречается в просмотренных нами библиографических справочниках. В *Асыке* обозначена как *Переводчикова* со ссылкой на письмо Зандера (с. 354). В альбоме 1924 г., где находится это июньское письмо Зандера, сохранился листок, на котором рукой Ремизова, кроме пражского адреса Зандера из письма (с добавлением домашнего), выписано несколько имен, в том числе Михаил Васильевич Щербаков и *Варвара Михайловна Статъева*. Представляется вероятным, что Перевощикова печаталась под этим именем (девичья фамилия?). Под именем В.М. Статъевой опубликована книга «Стихи» (Шанхай, Восточное книгоизд. «Даль», 1920). Печаталась в журнале «Лель» (Владивосток. 1919. № 6) и «Творчество» (1920. № 1). См.: *Хисамутдинов*. В «Коллекции “русского харбинца”» воспроизведена обложка книги стихов Статъевой (*Словодчиков*, с. 87).
- ⁵ См. прим. 5 к Продолжению п.1. Выдержки из пункта III в этом письме опубликованы в *Асыке*, с. 295.
- ⁶ В архиве Ремизова сохранилось письмо В.А. Калашниковой, в то время невесты Зандера (см. ниже прим. 11), с просьбой назначить время, когда ей прийти за грамотами, которые ей поручил отправить на Дальний Восток Зандер. (Вох 3, ф. 8, 27а).
- ⁷ *Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова* (1891–1978) – литературный критик, публицист, переводчик; с 1919 г. в Праге, член Союза русских писателей и журналистов в Праге (*Асыка*). Переписывалась с Ремизовым в 1920-е гг.
- ⁸ *Сергей Юлианович Кулаковский* (1892–1949) – филолог, в 1923-24 гг. учился в Париже. С 1925 г. жил в Польше. См. реконструкцию биографии в: Андрей Устинов «“Надежды символ”: Антология “Якорь” как итог поэзии русской эмиграции» в переиздании (СПб.: Алетейя, 2005. С. 371, прим. 116) книги *Якорь. Антология зарубежной поэзии*. Составили Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Париж: «Петрополис», 1936. Хотя Кулаковский в это время жил в Париже, Ремизов просьбу Зандера не исполнил. Его письмо к Кулаковскому от 12 марта 1924 г. (благодарность за присланный перевод, о собственной занятости, о невозможности судить о работе по существу) с подписью с обезьяньим титулом хранится в архиве Ремизова в Амхерсте (Вох 3, ф. 10, 22).
- ⁹ В Праге Зандер заведовал личной библиотекой Президента Масарика.
- ¹⁰ *кружки* – работа в РСХД, помимо местных и общих съездов, обычно проходила в небольших тематических группах, «кружках».
- ¹¹ Зандер провел январь 1924 г. в Париже, где, кроме активного участия в начинавшейся работе РСХД, встретился со своей будущей женой, Валентиной Александровной Калашниковой (1894–1989), сестрой его лицейского товарища, с которой был знаком с 1913 г. Зандеры венчались в августе 1924 г. и жили в Праге до переезда в Париж в связи с открытием Свято-Сергиевского Богословского института в 1925 г. См.: В.А. Зандер. «Путь моей жизни». *Вестник РХД*. № 142 (1984). С. 271-287.
- ¹² Выделенная часть титула – в стиле «ремизовской вязи».